

Два монолога

19

66

1966

ЧЕТВЕРГ
19 ИЮНЯ
г. Москва

Стихия танца многообразна, изменчива и своеобразна. Искусство Майи Плисецкой углянуло, усилило эти свойства. В ней самой живет множество танцевальных стихий, назалось бы, несомненных, противоборствующих.

Отрешенная, приподнятая над всем житейским красота движений ее Лебедя, сосредоточенность, уход в себя в танцевальных дуэтах на музыку Баха, Малера и эмоциональная открытость, женственность в каждом мгновении сценической жизни ее Кармен... Есть много других оттенков, черт, изгибов человеческих характеров, выраженных пластическим искусством Плисецкой. Идет время, и все больше ощущаешь уникальность ее антропической природы, ее пластической выразительности, ее танцевальных линий, видишь их в исторической перспективе жизни балетного театра.

Черты танца народной артистки СССР, лауреата Ленинской премии Плисецкой находятся в искусстве других сегодняшних исполнительниц (наших и зарубежных), и прежде всего размах, широту танцевального движения, особую пластическую интенсивность.

Мы привыкли к тому, что пластика Майи Плисецкой удивляет новизной преобразования в каждой новой роли артистки, однако разнообразие исполненных партий наметило, кажется, уже все мелодические и ритмические линии искусства танцовщицы.

Но вот родились ее новые танцы — два пластических монобалета, поставленные известным бельгийским хореографом Морисом Бежаром.

Удивительная мысль пришла в голову Бежару — воскресить образ легендарной танцовщицы-босоножки Айседоры Дуннан в пластическом искусстве нашей современницы Майи Плисецкой. Идея Бежара обрела форму танцевальной сюиты «Айседора», похожей на хореографическое посвящение, даже эпиграфию.

Просты, незатейливы композиции на музыку Шуберта, Бетховена, Листа, Брамса, Шопена, де Лиля... И сама танцовщица в легком белом одеянии — безыскусна, беззаботна, свободна от всего того, что попадает под спределение: традиция, школа, тренаж. Нездине с музыкой она слагает пластические стихотворения. Импровизационно, для себя. Эта иллюзия живет в каждом танце цирка, от детской «игры в камушки», до бетховенского танца, до Марселязы.

В движениях Плисецкой все же вдруг возникают танцевальные мгновения, знаменные нам по рисункам, снимкам Дуннан. Одно из них запечатлено на нашей фотографии. Мы отлично понимаем: именно в пластике Плисецкой может сегодня ожидать и стать явлением большого искусства сама незатейливость, простота танцевального языка, рожденного много лет назад, как протест против танцевального канона, как бунт против исполнительской закрепощенности. В пересечении двух танцевальных стихий — одной, зовущей уйти от школьной выученности к природе, другой, поставившей школьную выученность на службу величим образам, — рождается мелодия танцевальной фантазии «Айседора».

А потом, как удар гонга, контраст: эмоциональный, пластический, музыкальный. Болеро Раеля. И луч прожектора выискивает в темноте сцены лицо и руку танцовщицы. Яркий сноп света долго держит в кадре строгий лиц женщины и нисть ее руки, чеканенные движения этой кисти, зачинающей танец.

Скупые, даже суровые, но опаленные внутренней жизнью движения, жесты говорят о силе и власти той, что сейчас стоит на столе-помосте босая в простом — белое с черным — репетиционном костюме, и медленно заводит танцевальный разговор, выражая в нем ритм, дух, магнетизм равелльского Болеро. Его музыкальные периоды, как витки инфернальной спирали, наращивают, нагнетают ритмическую напряженность, дают новые и новые пластические импульсы танцовщице. Телом, взором, «высоко занесенной рукой» творит сценическое действие, похожее на магию, колдовство.

С последними тактами Болеро, когда музыка бросит нам всю свою экспрессию и страсть, танцовщица, выйдя за предел танцевального ритуала, словно крикнув всем что-то, бросит руки вперед, потом броском скрестит их перед собой. Прыжок. И вдруг все обрывается, поглощается взрывной волной. Этот яростный финал, кажется, разбивает на мелкие осколки саму музыкальную тему Болеро.

Стихия танца Майи Плисецкой многообразна, изменчива и своеобразна...

Наталья АРКИНА.

• Народная артистка СССР
М. Плисецкая в балете «Айседора».

